

Николай КОНИНИН

МОЙ ДРУГ КОНИК

В ранешние времена у меня был знакомый «жеребёнок» по имени Коник. С утра до ночи он любил носиться по улице, а уроки и всякие домашние дела совсем не любил!

Гривку ему стригли коротко, на глаза падала буланая чёлка. Ноги не стояли на месте, а бежали в разные стороны. Круглые ноздри сильно тянули воздух.

Когда маленьким он стал выбегать за ворота, я пытался выучить с ним домашний адрес:

– Ты на какой улице живёшь?

– Я живу дома, а не на улице!

– А дом какой?

Он хитро смотрел на меня.

– Ты сам не видишь, что ли, дом из дровишек.

Как-то в автобусе нас увидела «девчонка-жеребёнка» из одного с Коником детсада и закричала:

– Коник, Коник, это я, О-лень-ка! Подумала: Коник, Коник, здравствуй! Помолчала: Коник, приходи в гости. Коник, мне пять лет! День рождения!

Молчание.

– Будет торт, подарков не надо!

Её мама сидела рядом, и О-лень-ка всё время оглядывалась на неё. Потом не выдержала, закричала:

– Коник, принеси лошадку игрушечную!

Коник подумал и, как будто уже отслужил в кавалерии, сказал про себя: «Не надо исполнять сразу приказы «девчонок-жеребёнок», так как последуют другие, отменяющие первые».

У «жеребёнка» Карика были настоящие оловянные лошадки, и Коник предложил обменять их на настоящий маленький ночной фонарик (это сейчас всё есть, а в те времена такие штучки днём с фонарём не отыскать).

Договорились – «жеребёнок» Карик отдал свою кавалерию, а у Коника никакого фонарика не было, но он в подтверждение сделки принёс маленькую картонную коробочку из-под канцелярского клея. Читать никто не умел, коробочка вполне подходила для такой роли, а фонарик пока у папы.

Вскоре лошадок Коник дал поиграть Красику, другу Карика, а с Кариком почему-то подрался, но формально выполнил обещание – у Карика под глазом появился «фонарь». Лошадки, конечно, вернулись в родную конюшню. Ну и что? Были безлошадные – и так проживём, у самих ноги есть!

Любимым занятием Коника было бегать, как большие лошади, особенно как лошадь Чапаева. Ноги стучали по дороге, чёлка стучала по лбу, было здорово бегать наперегонки с другими «жеребятами». Лапта, прятки, «двенадцать палочек» и много чего ещё!

Старшие «жеребята» охотно принимали Коника в свои игры, он был терпеливый и на него всегда можно было свалить неинтересные, скучные дела.

Как-то весной, после приезда из детсада Макик, Кирик и Редчик позвали

Конику посмотреть на ледоход. Все были в пальто, на берегу были навалены кучи песка, а на эти кучи налезли огромные, двухметровой толщины, с чёрным и жёлтым брюхом льдины – киты, и льдины – белые медведи. У них с брюха капали капельки прямо в рот их маленьких детёнышей, было здорово подставлять ладошки под влагу!

Нашли развесистые лосиные рога, служившие вешалкой для верхней одежды! Макик, вожак, обрадовался: «Жара!» – повесил на отростки рогов пальто, шарф, шапку. И все последовали примеру. Рога нёс, конечно, Коник, сначала ему было смешно – рогатых коней не бывает (он ещё мало знал о взрослой жизни), но карабкаться на кучи сыпучего песка с каждым шагом было всё труднее и труднее. Хитрые друзья кувыркались на песке, а Коник, как осёл, кряхтел под тяжёлой и, главное, не своей ношей.

Дома Коник обнаружил, что потерял шапку: «Да, если тебя кто-то приглашает куда-то на что-то посмотреть, не разевай рот, не опускай и не задирай головы, а то спадёт не только шапка, но и голова. И зачастую большие зовут маленьких, чтобы на них ездить, про себя считая их ослами!

Зимой катался с крыш кладовок, прыгая в снег, или в подъезде играл в жмурки, перепрыгивая через шесть ступенек. Как-то доскакался до шишки на лбу величиной с куриное яйцо и разодрал бок, но, когда играешь, больно не бывает.

У них во дворе был целый «табун» «жеребят» игрового возраста – «голов» пятьдесят. В огромном дворе чего только не было: два двухподъездных двухэтажных дома, гаражи, кладовки и две площадки для футбола и всяких «чур, не голю».

Как-то старшие «жеребята» затеяли большие скачки вокруг дома. Это так говорилось, что вокруг дома, а на самом деле вокруг квартала – около километра. Собралось «голов» пятнадцать-двадцать «жеребят», они в нетерпении били копытами.

Коник был младше и меньше всех, и даже не надеялся, разве что на чудо. И чудо случилось – огромный жеребёнок Лошак сказал:

– Побежали!

Вышли за ворота: «На старт! Внимание! Марш!».

О, эти волнующие слова теперь будут звучать много-много лет!

Коник изо всех сил стучал подковами-сандаликами по каменным квадратам мостовой, скоро завернули на проспект Ленина.

Первой задачей было не отставать, не быть последним. О том, что добежать или нет, даже не думалось! Главное сейчас – быть впереди друга-«жеребёнка» Тпру!

Большие «жеребята» с длинными ногами делали один шаг, а ему приходилось два. Некоторые из них были старше Конику в два раза! Тпру уже бегал на такую дистанцию и знал, как распределять силы и как дышать.

Коник с удовлетворением замечал взгляды прохожих, они видели – он не последний. Пробежали метров двести – дышать стало трудно, воздуха не хватало, колело в бок. Возле «Горкино» старший «жеребёнок» Дрейка свернул на «кривую дорожку», ведущую через дворы. Все закричали: «Куда? Куда? Нечестно!». Дрейка, не оборачиваясь, махнул рукой, два-три «жеребёнка» последовали за ним.

Пробежали только треть пути, а дышать было уже не видно. Где там второе, третье дыхание? Повернули на улицу Курашова, асфальт кончился, пустынный тротуар больно бил по ногам каменными плитками.

Он остался почти один. Табунок бегущих уже завернул на Орджоникидзе. Коник с младенческих копыт жил в окружении трёх революционеров и одного писателя. Они имели железную волю и терпели невзгоды и трудности всю жизнь! Так неужели он не в состоянии потерпеть несколько минут?!

Терпеть, терпеть, терпеть! Если бы не сжатые зубы, сердце давно бы выскочило на обочину! Наконец-то под ногами доски тротуара улицы Орджоникидзе. Доски пружинили, толкали вперёд, надо было только попасть в такт. В глазах совсем потемнело, тошнило. Коник ковылял, скособочившись, почти ничего не видя.

Слава Богу! Дом, милый дом! Ещё немного – и финиш. От угла дома к нему скакали «жеребята», они махали ему, кричали: «Давай, давай! Молодец! Осталось немного! Ко-ник!»...

И Коник добежал!

Весной в лужах надо было плавать на плотках: звено забора или калитка уносили в реку и дальше, в океан. И тогда Коник, преодолевая бурное течение, спасал Чапая или, как Лошадь Пржевальского, заржав, устремлялся в пучины Великого океана, чтобы выйти на берег Америки Мустангом. Ах, если бы вы знали, какие там прерии, какие травы и как, ныряя в них, можно плыть, плыть и плыть... Но калитка ударялась о голос бабушки: «Коник, иди обедать», накреньялась, и мокрый по самое не могу Коник, спешил к родной батарее.

Жизнь спешила разнообразно – удивительно, как по настенному календарю: с заснеженной горы лыжник через дождь, солнце скатывался прямо в жёлтый листопад, где снег и грибы с ягодой можно поднять с земли рукой.

Как-то возле Горкино Коник пребывал в предвкушении в очереди за мороженым. Он очень любил мороженое, особенно в вафельных стаканчиках. Вдруг прискакала «девчонка-жеребёнка», и Коник, как рысак благородных кровей, пропустил её впереди себя. Она набрала целую охапку мороженого, а Коник у ни одного не досталось. Она пошла домой, скакать не могла, так как передние копыта были заняты мороженым. Она даже не улыбнулась, не то чтобы оставить хотя бы один стаканчик. Коник так и не понял: это свойственно только этой «жеребёнке» или вообще всем девчонкам. Придавленный размышлениями Коник брёл по Курашева и мысленно грыз пустой вафельный стаканчик. Вдруг на повороте у машины «пирожок» открылась задняя дверца, и на обочину опрокинулся лоток с вафельными стаканчиками. Прохожие – и взрослые, и малышня – стали собирать стаканчики, рассовывая по сумкам и карманам, а кто и просто за пазуху. Коник было неудобно, и он взял только один стаканчик. Его мучила мысль, которая оформилась спустя годы: «Желания иногда исполняются, но зачастую к этой сладости примешивается горечь чужого несчастья или грязь падения».

Прекрасным апрельским днём Коник в новеньких резиновых сапогах вышагивал по тротуару. Белый ледок над опустившейся на толщину пальца под ночным морозцем луже заманчиво хрустел вафельным стаканчиком.

– Ай, молодец! – похвалил встречный сосед. И Коник долго размышлял: «А какой он молодец?». Понимая, конечно, всю скользкость этого утверждения.

Мало кто помнит с календарной точностью, за исключением дней рождения и праздников, какой-нибудь день, но...

Автобус привёз детсадовцев, вытряхнул возле проходной и с наслаждением, как после длительного зевка, закрыл дверь – рот. Стояла теплынь, Коник, по обыкновению, не заходя домой, принялся мерить все дворовые лужи. Луж было много, ног только две, и Коник с осознанием выполненной миссии, таким лужепроходцем отдыхал, разложив мокрую одежду на заборе палисадника. День и сам по себе был замечательный, но радостные крики «жеребёнка» Тпру: «Ура! Пацаны, первый человек в космосе, советский человек – Юрий Гагарин!» – впечатали навсегда в память.

Незадолго до этого в гостях у Макика Коник в журнале рассматривал рисунок лётчика во время полёта в стратосфере: маска с круглыми стёклами, гофрированный шланг через плечо опускался в кислородный баллон. Старшие «жеребята» часто употребляли уже знакомое слово «космос». И когда Макик сказал большому «жеребёнку» Го-ге:

– Вырасту и полечу!

– Ну уж скорее мой отец (он был штурманом), – возразил Го-га.

На Юрия Гагарина обрушилась такая мировая слава, что затмила славу самого Хрущёва, первого человека в Союзе, и Коник искал для себя разнообразные объяснения, ведь первым может быть только один, и пришёл к выводу: случись что, страна не может оставаться без командира. Если дома Коник был старшим, большим, то во дворе был самым маленьким, за исключением мальшних вроде брата, и ему было далеко до старших «жеребят». Мечта вырасти могла осуществиться в будущем, а сейчас приходилось бегать, прыгать и ловить, и бросать мяч, как они, а не то стоически сносить крики и тычки, а самое обидное – несправедливые.

Поначалу всё протекало по следующей схеме: «жеребёнок» О-го-го (не путать с Го-гой) за пропущенный гол в тычки выгнал Тпру в запас, и поставил на ворота Коника. Коник без восторга принял повышение, понимая, что это только отсрочка по дороге Тпру, и ровно через восемь минут они воссоединились. Но в играх, требующих прыгучести и выносливости, прогресс не шёл, а бежал: Коник незаметно из запасных впрыгнул в основной состав. Не меньших усилий требовали и разные легенды – обоснования дворовой и школьной жизни. И-го-го (младший брат «жеребёнка» О-го-го) рассказывал, как он ловко перевернул тетрадь, чтобы двойка за русский превратилась в пятёрку. Или с полной уверенностью утверждали, что в желудке температура сто градусов. Такое объяснение родилось из термина: пища переваривается в желудке, а известно, что еду можно сварить только в кипящей воде, то есть при ста градусах. Коник по опыту знал, что о чайник с кипящей водой можно обжечься, но сколько после обеда ни прикладывал руку к животу, рука не обжигалась.

Между тем школа приближалась с неотвратимостью долгожданного опасного и заманчивого путешествия: билеты были уже куплены. Первого сентября на школьном дворе «жеребят» построили по росту (девочки и мальчики отдельно), рослые – «ашки», мелкие – «бэшки», и развели по классам. Коник оказался на втором ряду за четвёртой партой. Учительница, намереваясь узнать, кто как умеет считать, спросила: «Сколько цветочных горшков на ок-

нах?». Коник насчитал пять, так и ответил, но оказалось, что башкастый «жеребёнок» возле окна заслонил один горшок головой, а Коник не заметил, и когда учительница поправила его, то подумал, что надо считать все горшки, и на окошке, и на плечах. Показали первые буквы: «А» и «У» и написали слово «Ау». Коник скакал домой, и отягощённый, и окрылённый. Выйдя на двор, Коник сообразил, что можно написать ещё слово «Уа» на прикладе деревянного игрушечного ружья. «Жеребёнок» И-го-го не поверил, что Коник сам сообразил. А Коник привычно заметил, что большие скорее поверят, что ты дурак, чем умный. И-го-го в школе любил показывать, что он сильнее, и давал щелбаны. Отобрал ручку-вставочку, отошёл метров на шесть-восемь и крикнул: «Лови», думая, что Коник поймает и начнёт убежать. Коник побежал навстречу, поймал ручку и пробежал мимо бегущего И-го-го. Да, надо идти навстречу опасности, и тогда она пронесётся мимо! Так он и жил бы во власти своих ног, но стали учить азбуку, и, хотя старшие «жеребята» утверждали, что учат одни «девчонки-жеребёнки», в буквах была тайна, которую хотелось разгадать. В большую перемену Коник, как баран на новые ворота, смотрел на предложение в полторы строчки в книге про лошадь Будённого. Всю перемену он подсаживал буквы на забор, бекал, мекал, пока неожиданно буквы не перепрыгнули на ту сторону и сложились в слова, а те в предложение. С этого времени оказалось, что в книге можно убежать дальше, чем по улице, и в такие места, куда обычные жеребята и за год не добегут. Коник впал в другую крайность, стал читать, где только ни находил книгу. Сначала домашние не нарадовались, какой умный «жеребёнок», но потом оказалось, что он читает не только дома, но и в школе, на уроках, а что уроки? Отец однажды, придя с работы и обнаружив не застеленную постель, не вымытый пол, в сердцах разодрал книгу, как стрекозу: все крылышки – листочки по полу. А когда обнаружилось, что книга библиотечная, с удивительным мастерством Левши собрал и приклеил все странички-крылышки, так что можно читать – летать дальше. А библиотекарь, что библиотекарь, ничего не поняла.

– Коник, ты чем занят?

– Арифметику делаю. – Бабушка была неграмотная, и Коник спокойно положил на «Трёх мушкетёров» тетрадь по арифметике.

– Не обманывай, это не учебник, выключи радио, иди овсянку поешь.

Вот так в Коника вместе с овсом, как «дважды два», под марш красных кавалеристов проникал цокот копыт по парижской мостовой. И всё-то это помещалось в нём.

Если зимние холода обнимали – погружали в книгу, то тепло выгоняло из дома. Город манил воспоминаниями – снами. Маленьким мама в коляске вывозила его на заливной луг. Небо, дома, заглядывающие в глаза, деревья, заплоты – всё улыбалось, и дождик трогал своими ласковыми пальчиками. И вот эта-то память и тянула, тянула. «Копыта» Коника истоптали тротуары в радиусе часового путешествия. Время от времени наталкивался на местных. (Этот случай произошёл ещё до школы.)

– Ну что, драться или бороться? – спрашивал старший из них. (Как-то на их территорию забрёл такой же «путешественник». Он с забора упал на кучу железа, но не издал ни звука, и его с уважением проводили до ворот).

– Бороться, – оценив шансы, отвечал Коник.

По уличному кодексу драться ногами – нельзя, что сковывало половину возможностей. Встречные зачастую были больше, и дотянуться кулаками было проблематично. Скорее всего, это была такая же вольная конница, привлечённая необыкновенным зрелищем. На углу Ленина и Кирова пробили десятиметровый шурф, вынимали мёрзлую землю – тоннель! Чужаки также удалились от родных конюшен и надеялись не на «стена», а на кодекс. Перед поединком, скинув пальто, демонстративно похлопали одежду: в карманах и за пазухой нет запасных железных подков. Схватились, у Коника в «братской борьбе» были отточены несколько приёмов, обычно, ловким движением схватив за грудки, перемещался за спину, рукой упирался под подбородок, оттягивал голову соперника назад и всем весом начинал давить к земле. Но в этом случае победа несла в себе опасность драки уже с тремя. Независимых арбитров не было, а вожак не мог уронить под чужие копыта свой авторитет. Повозившись, сделав несколько подножек и попыток бросков, запыхались. Коник не давался, приземлялся на ноги. Соперник был выше и плотнее, и Коник не мог применить свои коронные приёмы. Наверно, эта схватка была отчасти ритуальной: пришельцы не знали – может быть, недалеко чужой табун. И дело кончилось ничьёй. Вожак, оглядывая своих: не уронил ли он случаем авторитет, признал достоинства Коника. Надо сказать, что такая встреча в стиле странствующих рыцарей была нетипичной, потом столкновения напоминали или пиратский абордаж, или разбойничьи грабежи с «кистями и посвистом»: «Дай копейки!». Но для «не рыцарских встреч» Коник при себе имел пятую подкову (это пятая нога лишняя, а подкова приносит удачу).

Коник и не знал, что это только один из многих предстоящих поединков. Ведь дело было возле его восьмой школы, возле его любимой восьмой школы. И школа, и замечательная жизнь были впереди.